

Наталья СЛУХАЙ

РАЗРУШЕНИЕ АРХЕТИПА КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ПАТОГЕННОГО ТЕКСТА

Определения текста в последние десятилетия эволюционировали от дефиниций, квалифицирующих текст как социально-речевое явление, представляющее собой законченное структурированное семантико-синтаксическое целое, до представлений о тексте как сложном знаке, обозначающем мегаситуацию и обладающем номинативной функцией. Расширение представлений о феномене, обозначаемом термином «текст», обусловлено несколькими факторами, среди которых, во-первых, вовлечение в круг рассматриваемых объектов связанных знаковых комплексов с несловесными произведениями искусства и их интерпретациями (текстами искусствоведения) включительно, шире – текстов любых семиотических систем (сочетание «текст Петербурга» перешло в разряд нормативных); во-вторых, расширение представлений о возможном объеме текста (от минимального, переданного средствами невербальной коммуникации, вплоть до жеста, позы, выражения глаз, до максимального – мегатекста человеческой цивилизации); в-третьих, усиление внимания к проблемам восприятия текста наряду с проблемами порождения (восприятие текста зависит от пресуппозиционной базы реципиента, воспроизводимость текста трактуется как допустимая «в диапазоне смыслов» и так далее). В результате приемлемым, если абстрагироваться от периферийных явлений, сегодня можно считать следующее определение: текст – это завершенный фиксированный инвариант смысла.

Среди текстов, составляющих информационное поле современника, в последние годы оформилась ярко выраженная тенденция выделять группу патогенных. Б.Потятиник определяет патогенный текст как такой, «который вызывает не только страдания, но и способен генерировать болезненные отклонения в психике реципиента, вызывать моральную и психическую деградацию личности», оказывает заметное воздействие на способ жизни и мировидение человеческого сообщества, нации [1: 9], то есть основным признаком патогенности текста называет его способность к индуцированию реципиента негативной информацией, которая способна привести к его деградации, и относит к патогенным тексты тоталитарной идеологии и гипертрофированной рекламы. Однако, конечно, перечень патогенных текстов, составляющих значительную часть современного информационного поля, сего-

Текстологія

дня гораздо шире названного. Мало того – существовавший издревле (к примеру, в виде заговоров «на зло» или проклятий), современный патогенный текст проявляет тенденцию к экспансии прежде недоступных ему сфер – например, сферы художественного.

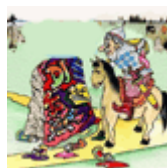
Художественные тексты, даже если в них описываются сцены крови, насилия и ужасов, безумия или объективируется прочая отрицательная информация, как правило, не проявляют тенденции к индуцированию реципиента, служа средством концептирования в системе взаимокоординированных вокруг стержней Добра и Зла понятий, что хорошо объясняется психолингвистической концепцией двойственного восприятия Л.С. Выготского. Жизнь, говорил ученый, вливается в сознание человека через широкую воронку впечатлений, ощущений, чувств, эмоций, но не всем им суждено найти выход через узкую воронку действий; «изжить» нереализованный потенциал и помогает человеку художественное произведение; основой же эстетической реакции «являются вызываемые искусством аффекты, переживаемые нами со всей реальностью и силой, но находящие себе разряд в той деятельности фантазии, которой требует от нас всякий раз восприятие искусства» [2: 206]. Следует, однако, отметить, что в последнее десятилетие появились работы, постулирующие растущую патогенность словесного художественного текста (например, 3: 93-94), где среди факторов перехода текста, реализующего общую установку на художественное восприятие, в число текстов-знаков когнитивной катастрофы названы ориентация на моделирование действительности как абсурда; установка на языковую игру и сверхрефлексивность; расшатывание оппозиции норма-аномалия, в том числе аномальное оформление сильных позиций текста и нарушения в развертывании текстообразующих категорий и другие. Однако в свете отмеченной трактовки природы эстетического воздействия художественного текста становится очевидным, что и эти произведения всего лишь «переигрывают действительность» (М.М. Бахтин), часто абсурдную, средствами художественной изобразительности. И напротив, часть художественных текстов (в основном, сатирико-юмористического жанра) способны, судя по результатам современных исследований, выполнять функции конкурента патогенного текста, а именно – нейтрализатора гипертрофированного идеологического текста, потока политической и коммерческой рекламы и даже «новояза» [4: 8-28]. Казалось бы, сказанное позволяет вынести художественные тексты за рамки группы текстов, способных приобретать свойства патогенных. Но это не так. Художественно-образная форма категоризации универсума предполагает осмысление мира при участии многообразно явленных мифопоэтических значений, среди которых представлены архетипические смыслы различной степени архаичности. В условиях расшатывания или разрушения архетипа – скрытого, поскольку архетипический смысл проявляет тенденцию к имплицитности, художественный текст обнаруживает уязвимость и способен изменить вектор воздействия с креативного на про-

типоволожный – разрушительный. Мы можем наблюдать сегодня этот процесс в таких поздних формах объективации художественного, как художественные фильмы (телефильмы), именами (сильными позициями названия, выступающими темой по отношению к реме – фильму) которых выступают такие, как «Белоснежка. Страшная сказка», «Чтоб ты сдох», «Дед Мороз – отморожок», «Охога на Золушку», но особенно заметным становится этот процесс при анализе художественных открыток Интернет-источников.

Корпус поздравительных открыток представлен в динамично развивающихся подсистемах на различных языках мира, в том числе русском. Оформленными на текущий момент являются реестры поздравительных открыток в нескольких русских поисковых системах, среди которых в качестве репрезентанта однопорядковых избрана одна – Яндекс.

В ключе трикстерного переигрывания мифопоэтических смыслов художественной открытки значительный интерес представляет анализ подтемы «Сказочные открытки» темы «Эксклюзивно» раздела «Открытки по случаю», обеспеченной 10 изображениями, среди которых отмечены следующие: молча и игриво танцующая на черном острове посередине зеленого круглого озера на фоне черно-зеленого леса избушка на курьих ножках; изображение Вини-Пуха, мечтающего о жареном окорочке Пятачка, который в это время наивно взирает со сковородки; вариация сюжета о сестрице Аленушке и братце Иванушке (повзрослевший Иван испил воды из лужицы и обернулся в смеющегося козла; испил из другой и вновь обратился в Ивана); изображение дятла (хтонической птицы), на черном фоне с белыми пятнами привидений со спины клюющего растерянного Буратино (вспомним распространенное поверие о том, что стук дятла в угол дома – вестник смерти); огромный червь, показываясь из дыры в репке, пугает бабу, деду, внучку, Жучку, кошку, мышку; изображение трехголового богатыря и испуганного дракона; изображение надвигающегося на Колобка катка и подпись: «У меня тяжелое предчувствие! Всю ночь блины снились!»; изображение троих, обращающихся к Карлсону: «Слетай за бутылкой»; изображение Богатыря на распутье, недоумевающего глядя на разрисованный камень: «Ненавижу граффити! Куда же теперь ехать?»; изображение Лисы, обращающейся к Колобку в обличье черного хлеба с вопросом «Что, Колобок, жизнь тяжелая?».

Тенденция к трикстерному переосмыслению сакральных сказочных сюжетов в детском фольклоре стала весьма заметной (хотя существовала она и прежде), по меньшей мере, пятнадцать лет тому назад, когда достаточно широкое распространение приобрели устные примитивные стихотворные формы грубого, стилистически сниженного «переигрывания» известных сказочных сюжетов. Сегодня эта тенденция проявилась еще заметнее, и вряд ли она демонстрирует преемственность современной культуры относительно этнически обусловленной шутовской. Гораздо больше оснований есть в предположении, что эта тенденция является слепком с многочисленных аналогичных образцов американской культуры, и тогда, оценивая большую численность демонстрирующих эту тенденцию открыток, нужно признать ее доминантной и развивающейся. Причем вербальные компоненты поздравительных открыток в большей мере ориентированы на этнические ментально-вербальные парадигмы, а невербальные компоненты (изображения) – на американизированные. Можно высказать предположение, что язык оказывает сопротивление инокультурным образцам и в этом смысле согласиться с Л.Г. Лузгиной в утверждении, что «культурные концепты определяют речевое поведение языковой личности как представителя конкретного этноса» [5]; во всяком случае, речевое поведение в большей степени зависит от культурных концептов, чем невербальное. Иначе говоря, подпись на русском языке к открытке инокультурного содержания ведет к освоению изображения, причем вербальное освоение изображения присваивает ему параметры

этнической ментально-вербальной картины мира. Однако осознанная как единство вербальных и невербальных средств презентации смысла художественная открытка приведенных образцов демонстрирует расшатывание этномифопоэтических смыслов, функция которых – обеспечивать устойчивость, глубину и своеобразие концептуальной и языковой картин мира человека, и приобретает свойства патогенной.

Безусловно, размывание культурологически значимого фундамента текста проявляется не только в художественных текстах или открытках – периферийных формах объективации художественно-мифопоэтического смысла. Не менее отчетливо эта тенденция проявляется в современном рекламном тексте. Например, тот же принцип лежит в основе слогана «Возьми рюкзак, иди на пляж» рекламы метро (кампания Nivea, акция 1.06.2002 – 20.08.2002), коррелирующего с устойчивым выражением «Бери шинель, иди домой», ассоциированным с Великой Отечественной войной – сакральным событием социума. Число примеров можно увеличить многократно. Важно другое: разрушение архетипа служит фактором формирования патогенного текста, а процесс расшатывания обычно устойчивой системы мифопоэтических смыслов этноса сегодня проявляет выраженную тенденцию к развитию.

1. Потятиник Б. Экологія ноосфери. – Львів, 1997. – 142 с.
2. Выготский Л.С. Психология искусства. – М., 1987. – 416 с.
3. Компанцева Л.С. Базовые качества современной молодежной эссеистической прозы как знаки когнитивной катастрофы // Когнитивные стратегии языковой коммуникации: Доклады Международной научной конференции / Ред. С.С. Дикарева и др. – Симферополь, 1998. – С. 93-94.
4. Семенюк О.А. Язык эпохи и его отражение в сатирико-юмористическом тексте. – Кировоград, 2001. – 366 с.
5. Лузгина Л.Г. Распределение информации в тексте. Когнитивный и прагматический аспекты. – М., 1996. – С. 31.